Маруфов Н.

1985/IX.

Советская Кубань
г. Краснодар
4 СЕН 1985

Советская Кубань

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

ДВА МОНОЛОГА О СТАРШЕМ ДРУГЕ

1. МОНОЛОГ ОБ АКТЕРЕ, КОТОРЫЙ БЫЛ СОЛДАТОМ

Отчетливо, будто вчера, помню нашу первую, двадцатилетней давности, встречу. Молодой актер, только-только из армии, не успевший еще принять штатского обличья, я, изрядно волнуясь, стоял возле кабинета главрежа, где решалась моя судьба. И тут в десятке метров от меня возник человек, сразу заполнивший, почудилось, все свободное пространство коридора. Еще не зная, кто он, я забыл на миг о собственных заботах и завороженно смотрел на его высокую, мощную фигуру, седую прядь надо лбом, на его лицо строгих античных линий, показавшееся мне суровым и каким-то даже неприступным.

В безлюдном в этот час театральном коридоре он выглядел каким-то «богом из машины», что являлся в трагедиях древних греков, чтобы распутать сюжетные узлы. Может, и впрямь, подумалось тогда, его неожиданное появление — это счастливый знак судьбы.

Остановившись напротив меня, он внимательно поглядел на мои кирзовые сапоги, на гимнастерку, на одинокую ефрейторскую лычку на погонах... Глаза «бога» сразу потеплели, блеснув лукавой, располагающей искоркой. «Кого ждешь, солдат?», — пророкотал где-то надо мной густой, низкий голос. Не дожидаясь ответа, он протянул руку: «Николай Николаевич». Я сбивчиво, в нескольких словах сообщил, что привело меня после армии в этот незнакомый город и о чем шел разговор с директором и главным режиссером. «Ладно, не тушуйся»,— снова пробасил он, берясь за ручку двери. Но прежде, чем шагнуть в кабинет, на миг обернулся и ободряюще, почти по-приятельски подмигнул.

Вечером того же дня я впервые видел его в спектакле и прочитал в программке фамилию — «Н. Маруфов». Впечатление от закулисного знакомства не обмануло. Он и здесь, на сцене, в прямом и переносном смысле возвышался над остальными. Правда, и роль того требовала. Шла «Зимняя сказка» Шекспира. И публика, замирая, ловила каждое слово сицилийского короля Леонта, могучего красавца, отравленного ядом ревности.

Как бьется сердце... Сердце
так и пляшет...
Но не от счастья, не от
счастья, нет...

Мощный его голос то угрожающе стихал до полушепота, то обрушивался раскатами грома, то вдруг предательски срывался, выдавая скрытое кипение страстей. А благородное лицо то озарялось вспышками гнева, то покрывалось тенью тревоги, то искажалось гримасой боли, пугая предчувствием страшной развязки.

Я сидел тогда в зале и думал: «Вот завидная планида. Вот где гладкая, без сомнений и терниев, дорога в актеры. Все есть. Все с лихвой отпущено природой. Голос, лицо, рост, темперамент, обаяние... Бери и пользуйся. Иди и играй». Так я думал, не зная еще, как сильно заблуждаюсь. Природа природой, но есть жизнь, и каждому она назначает свои испытания.

Сценой Николай Маруфов действительно бредил с ранней юности. У себя в Ставрополе, где родился и жил, не пропускал ни одной театральной премьеры. После девятого класса рослого, симпатичного и явно способного хлопца взяли во вспомогательный состав. И он в начале лета сорок первого года, заручившись разрешением матери, отправился с театром на гастроли. Ну, а вышло так, что уезжал на два месяца, а вернулся спустя четыре года.

Грянула война. Дорога к дому почти сразу оказалась отрезанной. Двигаясь все дальше и дальше на восток, поредевшая труппа с частью имущества добралась до далекого уральского Ирбита, где и нашла временное пристанище. Только к осени Николай наладил переписку с матерью и узнал, что оба старших брата уже воюют. Тут же и сам пошел проситься на фронт. Но от него попросту отмахнулись. О чем говорить, когда и шестнадцати не стукнуло?

Лишь годом позже после настойчивых уговоров и требований его призвали и направили в пехотное училище. Но не отбыв в нем и половины срока, он добился отправки на передовую. «Дорогая мама,— успел черкнуть с дороги, — я сменил курсантские погоны на солдатские, еду помогать Павлику и Вите». Дальше — обычная фронтовая биография. Жаркие бои на Днепре, освобождение Украины, Польши...

А потом наступил тот роковой для него серый, холодный предрассветный час 29 января 1945 года. У самого берега Одера его минометную батарею, только начавшую переправу, накрыло взрывами тяжелых снарядов. Не знал Николай, кто и как доставал его, истекающего кровью, из свинцовой, покрытой ледовым крошевом воды. Не знал и того, что потерял в считанные секунды почти всех своих боевых товарищей.

Очнулся через несколько дней. И началась его госпитальная одиссея, растянувшаяся на десять долгих, мучительных месяцев. Ранение оказалось тяжелым и трудноизлечимым. Шесть сложнейших операций. Нестерпимые боли. Неподвижность. Гангрена. Угроза ампутации ног. В конце концов ее чудом удалось избежать, хоть и ценой неизвлеченных мелких осколков, которые будут давать о себе знать все последующие годы. А главное, одна нога осталась на несколько сантиметров короче. В принципе это не могло иметь такого уж серьезного значения. Но только не для его будущей профессии. Потребовалось призвать всю волю и упорство, чтобы бесконечными тренировками, специально разработанными изнурительными упражнениями научиться скрывать хромоту. И он научился. Впоследствии лишь самые близкие люди знали, какими острыми болями приходилось иной раз расплачиваться за безупречно ровную походку на сцене.

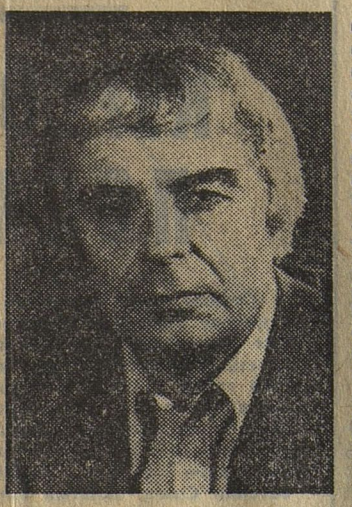
Все это я узнал гораздо позже, когда мы ближе познакомились и сдружились. И тоже не сразу, но, убежден, безошибочно мне открылась истина о Николае Маруфове. Я понял, что фронтовая юность, с ее окопным братством, испытаниями, потерями, была для него не частью биографии, а существом натуры, нравственным стержнем всех его мыслей и дел. Голосу юности, как на фронте приказам комбата, он следовал всегда и во всем по-солдатски безоговорочно, мужественно и честно. Даже уйти из жизни ему было суждено по-солдатски. В один краткий миг. Точно на бегу. Точно от шальной пули.

Дня Победы он каждый раз с волнением ждал, как очной встречи с солдатским прошлым, лицом к лицу, глаза в глаза. И ни разу за всю жизнь у него не появилось причины отвести взгляд. Не его вина, что самой последней, сороковой встречи он не дождался.

2. МОНОЛОГ О СОЛДАТЕ, КОТОРЫЙ СТАЛ АКТЕРОМ

Те, кто бывал в Ленинграде, знают длинный подземный переход под Невским проспектом в районе Гостиного двора. Стены его по традиции занимает реклама ленинградских театров — афиши, фотографии, плакаты... Во второй половине семидесятых здесь года два бессменно висел большой портрет, мимо которого редко кто проходил, не задержав внимания. Со стены глядело обрамленное сединой интеллигентное лицо немолодого уже человека с умными проницательными глазами за стеклами больших очков.

Это была фотография Николая Маруфова в роли Президента из спектакля театра имени Ленинского комсомола «Кентавры». Созданный им сценический образ Сальвадора Альенде вызвал довольно широкий резонанс в театральных кругах Ленинграда. «В «Кентаврах», — писала «Ленинградская правда»,— занята почти вся труппа театра, но наибольший успех выпал на долю исполнителя роли Президента. В этой роли выступил дебютирующий на ленинградской сцене Н. Маруфов. Личная значительность исполнителя, сила характера делают его стержнем спектакля — и смысловым, и эмоциональным. Вместе с ним, именно с ним входит в спектакль ощущение подлинного драматизма борьбы».



Очевидно, прежде всего следствием успеха в роли Президента стало приглашение Маруфова в знаменитую «Александринку» — Ленинградский академический театр им. А. С. Пушкина. Последовали одна за другой значительные работы актера в спектаклях «Тринадцатый председатель», «Предел возможного», «Беседы с Сократом», где его партнерами были А. Борисов, Б. Фрейндлих, И. Горбачев, Н. Ургант, другие крупные мастера старейшей драматической сцены.

К сожалению, ему, южанину, так и не удалось адаптироваться в ленинградском климате. И по настоянию врачей он осенью 1982 года после шести лет работы в «северной столице» переехал к нам в Краснодар.

За два сезона в краевом драматическом театре им. М. Горького, последних из отпущенных ему судьбой, Николай Николаевич Маруфов не успел, думается, раскрыть и части своего творческого потенциала. Хотя шекспировский Макбет, в котором проявились и высокая культура исполнения, и безупречный актерский профессионализм, был, конечно же, замечен и по достоинству оценен краснодарскими театралами. И все же, на мой взгляд, он сыграл его слишком поздно. Уже не хватило физических сил, внутренней энергии, чтобы в полной мере овладеть одной из труднейших ролей мирового трагического репертуара.

Да, пик его театральной биографии пришелся не на Краснодар. И даже не на Ленинград, при всей удачно для него там сложившейся репертуарной ситуации. Годы его расцвета как актера — это предшествующие ленинградским восемь сезонов в Севастопольском драматическом театре. Дело не в том, разумеется, что здесь он стал заслуженным артистом республики, получил многие другие актерские награды. Главное заключается в другом. Именно на севастопольской сцене лучшие черты его дарования проявились наиболее полно.

В общем-то Маруфов в силу благодарных сценических данных и предельно ответственного отношения к делу ни в одном спектакле не оставался в тени, не бывал бесцветным или безликим. Но в ролях, лишенных большого человеческого содержания, серьезной общественно-нравственной темы, ему становилось тесно, неуютно. Его стихия — крупная личность, обуреваемая благородными порывами либо низкими страстями, рвущаяся к осознанию истины или живущая в трагическом разладе с высшим смыслом бытия, но личность всегда мятущаяся, готовая и способная к борьбе. Фигурами такого масштаба и драматического накала были его большевик Стрижень в «Гибели эскадры» Корнейчука и академик Дронов («Все остается людям» Алешина), шекспировский Брут в «Юлии Цезаре» и горьковский Коломийцев в «Последних», Прохор Громов в «Угрюм-реке» Шишкова и граф Шемет в «Медвежьей свадьбе» Луначарского...

Может быть, от того, что его всегда влекли характеры незаурядные, требующие сочных красок, игры «на полном дыхании», большого пространства, может, как раз поэтому ему труднее было обрести себя перед кинокамерой. Хотя интерес к нему кинорежиссеров оставался неизменным. Пожалуй, только однажды ему удалось по-настоящему значительно предстать на экране, когда известный советский режиссер Виктор Ивченко пригласил его на главную роль в картине «Путь к сердцу». В роли знаменитого хирурга Приходько (прообразом послужил академик Амосов) Маруфов сыграл талантливого врача и ученого, не только безгранично преданного делу, но и живущего думами, тревогами, болями своей эпохи, оставаясь вместе с тем простым, полнокровным, обаятельным человеком, умеющим радоваться и любить, страдать и ненавидеть. Эта работа стала серьезной творческой удачей актера, удостоенного за нее Серебряной медали на Международном кинофестивале в Варне.

Николай Николаевич не очень-то любил говорить об искусстве, о театре, предпочитая разговорам о сцене разговоры на сцене. Он вообще был человеком немногословным. Особенно не терпел актерских брюзжаний, закулисного суесловия. Но изредка в наших беседах разговор все-таки настраивался на театральную волну. Однажды, помню, мы долго бродили по Ленинграду, и я, не знаю уже теперь в связи с чем, поинтересовался, что, по его мнению, главное в театре. Он помолчал, а потом ответил совершенно неожиданно: «Главное вообще не в театре. Главное — в жизни. И в людях».

Честно говоря, я тогда решил, что он нарочно играет словами, чтобы по обыкновению уйти от театральных тем, и даже в шутку обозвал его софистом. А сейчас понимаю: это был ответ, достойный солдата, гражданина, художника, который многое повидал в жизни и который знает ей подлинную цену.

Рудольф КУШНАРЕВ.